

После того как Цзи Ван помог человеку встать, он снова шагнул в грязное лotosовое поле, вернувшись к Дуань Инью и Чжан Мусяню. Он присоединился к дуэту, атмосфера которого была полна песчаных скульптур*, и стал зрителем, подбадривающим их.

ПП: китайский интернет-сленг, используемый для обозначения глупых людей или людей, которые заставляют других смеяться своей глупостью.

На самом деле, если бы он остался с Ци Боянем, очевидно, было бы больше съемок. Но Цзи Ван не хотел этого. У него не было уверенности притворяться незнакомцем, впервые встречающим Ци Бояня перед камерами реалити-шоу.

Проведя несколько часов на поле с корнями лотоса, все сильно вспотели. К концу копания все копали вместе, и они так устали, что не могли говорить.

Когда корзины с лотосами наполнились, четыре человека решительно выбрались на берег и улеглись там отдохнуть.

Из-за строгих требований команды программы помощники и менеджеры не могли помогать во время съемок. Ассистент Ци Бояня мог только беспомощно волноваться недалеко, переживая, что кожа его звезды покраснела от солнца.

Перед тем как маленький ассистент И Дун успел позвонить руководству и спросить, что делать, он увидел, как человек выбрался из грязной группы и сказал режиссеру Цзяну:

— Как нам обменять эти корни лотоса на рис? Мы пойдем в деревню, чтобы обменять их?

Человеком, который встал, был Цзи Ван, энергичный альфа.

Дуань Инью, который был рядом, уже был на грани, и он пробормотал себе под нос:

— Я знал, что мой менеджер хочет меня убить, он на самом деле заставил меня участвовать в этом реалити-шоу, чтобы сажать рис в полях. Он закончил, его годовая премия пропала.

Ци Боянь тоже встал:

— Нехорошо идти в деревню в таком виде.

Чжан Мусянь добавил в знак согласия:

— Давайте вернемся и примем душ.

По просьбе гостей режиссер Цзян, наконец, отдал приказ в микрофон разрешить им вернуться и принять душ, но только на 30 минут, а затем собраться перед домом, чтобы отправиться на Овощной рынок.

Тридцать минут? Чтобы добраться до дома с грязевого поля, потребуется больше десяти минут.

Дуань Инью застонал и хотел пожаловаться, но человек рядом с ним быстро снял с себя одежду для выкапывания корней лотоса. Тяжелая грязная куртка упала на землю, разбрызгивая много грязи и почти забрызгивав лицо Дуань Инью.

Он оценил ситуацию и немедленно закричал:

— Чжан Мусянь! Ты слишком хитрый! Подожди меня!

Омега поспешно начал снимать свое снаряжение. Ци Ван уже последовал его примеру и выскочил наружу. Ци Боянь был третьим, кто закончил снимать его, а Дуань Инью все еще пытался стянуть с ног водонепроницаемые сапоги, когда проходил мимо.

Почувствовав, как рядом с ним упала тень, Дуань Инью оглянулся, полный надежды:

— Ты ждешь меня?

Ци Боянь улыбнулся, оставив Дуань Инью в трансе, думая про себя: «Неудивительно, что поклонники Ци Бояня называют его произведением искусства».

Не дождавшись, пока Дуань Инью насладится его обаянием, Ци Боянь оставил фразу: : «Не забудь забрать лотосы», и сразу же ушел прочь.

Дуань Инью был в ярости, глядя на лотосы, оставленные тремя другими улюблюдками:

— Режиссер Цзян! Они серьезно!? Как я могу унести три корзины как омега! Я не буду это делать!

Режиссер Цзян с самой доброй улыбкой произнес самые беспощадные слова:

— Если ты унесешь их, может быть, у тебя просто не останется времени на душ. Если не унесешь, тогда вся твоя работа сегодня будет напрасной.

Дуань Инью плакал, таща на спине корзину с лотосами, и наконец понял правду этого реалити-шоу.

Не было никаких гендерных различий, никакой взаимопомощи, только бессердечные товарищи по команде.

Он с трудом тащил корзину на спине, и прежде чем успел начать бежать, увидел, как кто-то вернулся. Цзи Ван протянул руку и схватил корзину с земли. Полный «энергии бойфренда», он спросил Дуань Инью:

— Ты сможешь унести столько?

Дуань Инью был тронут почти до слез, когда Цзи Ван ушел и вернулся. Он честно покачал головой:

— Я не могу,...Ван...

Прежде чем он успел сказать «Ванг-гэ», его Ванг-гэ уже ускакал прочь, бросив лишь фразу:

— Ты справишься, ты лучший.

Дуань Инью был так зол, что чуть не сел на землю и не заплакал. Затем он услышал, как режиссер Цзян напомнил ему:

— Осталось еще двадцать минут.

Как бы он ни сопротивлялся, Дуань Инью все же побежал обратно, всхлипывая.

Цзи Ван, который ушел и вернулся, не был таким, каким Дуань Инью его представлял — нашедшим совесть и вернувшимся, чтобы помочь.

Только пробежав половину пути, он вспомнил, что в их доме всего две ванны. Чжан Мусянь, должно быть, захватил одну. Если он пойдет и займет вторую, для Ци Бояня не останется места.

Этот человек был настоящим чистюлей. Его тело было покрыто грязью, но из-за камер он все равно не вышел из себя. Как только молодой мастер разозлится, это не пойдет на пользу команде программы, и атмосфера съемок будет испорчена.

Цзи Ван вспомнил, что корни лотоса все еще были на поле, и что режиссер Цзян сказал собраться перед домом, чтобы отправиться на Овощной рынок. Он понял зловещие намерения команды программы и поспешил обратно, чтобы захватить корни лотоса.

По дороге он прошел мимо Ци Бояня и отчетливо почувствовал, что тот остановился и посмотрел на него, но Цзи Вану было все равно.

К тому времени, как он принес корзину с корнями лотоса с поля, Чжан Мусянь уже чисто вымылся и сидел под крыльцом в шлепанцах, поедая арбуз, специально присланный жителями деревни.

Цзи Ван положил корни лотоса во дворе и поздоровался с Чжан Мусянем, затем отнес смену одежды в ванную.

Хотя в доме было две ванные комнаты, они представляли собой всего лишь грубые цементные помещения с тонкой деревянной перегородкой посередине. На первый взгляд владелец знал, что здесь будут снимать шоу, и временно построил эту ванную комнату на двоих.

Шум льющейся воды, и тонкая деревянная перегородка не могла заглушить слишком много шума. Камеры не следили за происходящим, все они были во дворе. В этом душевом помещении были только он и Ци Боянь.

Цзи Ван снял свою одежду, просто прополоскал ее водой и повесил в сторону, чувствуя себя немного расстроенным из-за одежды. Хун-цзе знала, что он появится в «В пути», и намеренно договорилась о спонсорстве бренда. Нехорошо было вот так выбрасывать одежду людей.

Через некоторое время он позвонит Хун-цзе, чтобы рассказать ей об этом, надеясь, что бренд поймет.

Он выдавил шампунь и нанес его на голову. Пена стекала по его лицу, заставляя его невольно закрыть глаза.

Шум воды был таким сильным, что Цзи Ван не испытывал никакого чувства опасности, пока теплое тело не прижалось к его спине, и он не почувствовал, как сильные руки мужчины протянулись сзади и крепко обхватили его за талию.

Цзи Ван вздрогнул, быстро смыл пену с лица и поднял шею, чтобы избежать потока перед собой:

— Разве ты не понимаешь, в какой это ситуации!

Рука Ци Бояня обхватив пену вокруг шеи Цзи Вана, отодвинул ее от его тела. Он сказал безмятежным тоном:

— Я знаю, что снимаем реалити-шоу, так что не дергайся.

В узком пространстве Цзи Ван не осмеливался действовать опрометчиво, тем более не мог ударить Ци Бояня. Ци Боянь прижал плоть его шеи и угрожающе наклонился, но не укусил, лишь провел языком:

— Ты хорошо провел время, играя с ними только что?

Прежде чем Цзи Ван успел что-либо сказать, он услышал, как Ци Боянь сказал:

— Поторопись и умойся, если Дуань Инью придет, мне все равно, но ты...

Цзи Ван не пошевелился и услышал, как Ци Боянь интимно прошептал ему на ухо:

— Трус.

Дуань Инью едва успел вернуться за последние десять минут. Он бросил свою корзину и, не обращая внимания на валяющиеся корни лотоса, схватил арбуз из рук Чжан Мусяня и решительно откусил кусочек.

Чжан Мусянь уже наелся до отвала и спокойно сказал Дуань Инью:

— Бедное дитя, ешь медленнее, в комнате еще осталось.

Дуань Инью мысленно проклял старого лиса, но все вслух сказал:

— Спасибо, гэ.

После этого он потащил свое уже измученное тело в ванную.

Другой ванной все еще пользовались, вероятно, Цзи Ван. Дуань Инью небрежно сказал:

— Гэ, я захожу, время поджимает, не обращай на меня внимания.

Цзи Ван не ответил ему, и Дуань Инью тоже было все равно.

Он просто включил воду, и шум перекрыл звуки предметов, падающих в соседней ванной. Разрозненные звуки были похожи на то, как на пол падают средства для душа.

Он остановил воду:

— Цзи Ван, ты в порядке? Ты упал?

Дуань Инью подождал некоторое время, прежде чем услышал голос Цзи Вана, немного скованный и хриплый:

— Все в порядке, я случайно что-то уронил.

Время было на исходе, Дуань Инью снова включил воду и быстро привел себя в порядок.

И все же одна мысль не могла не зародиться в его сердце. Голос Цзи Вана звучал немного по-другому наедине, как будто... немного сексуально?

Позволив своему воображению разыгаться, Дуань Инью услышал звук удаляющихся шагов рядом с собой. Он подумал, что Цзи Ван закончил мыться, и забеспокоился, что все соберутся впереди. Дуань Инью стиснул зубы и ускорил свои действия. Приняв душ, он поспешил из ванной с мокрыми волосами.

В то же время Цзи Ван тоже вышел из другой ванной. Дуань Инью удивленно сказал:

— Ты только что закончил принимать душ? Я думал, ты уже ушел?

Он заметил, что губы Цзи Вана были немного красными, или, точнее, опухшими.

Волосы Цзи Вана были все еще влажными. Он обернул грязную одежду в полотенце и держал ее на руках, закрывая переднюю часть своего тела.

Дуань Инью напомнил ему:

— Не беспокойся об одежде. Помощники придут, чтобы разобраться с ней через некоторое время. Я думаю, что вся одежда Чжан-гэ и Ци-гэ осталась в тазу.

Дуань Инью был самым младшим в команде реалити-шоу, и все считали его своим младшим братом.

Цзи Ван покачал головой:

— Мой помощник еще не прибыл, я сначала отнесу это в комнату.

Сказав это, Цзи Ван ушел в странной позе, грязная одежда в его руках свисала так, как будто прикрывала что-то.

У Дуань Инью не было другого выбора, кроме как вернуться во двор. Ци Боянь уже сел рядом с Чжан Мусянем. Его волосы были все еще влажными, и он небрежно заплел свободную косу, которая спускалась на левую сторону.

Среди мужчин-альф с длинными волосами Ци Боянь выглядел лучше всего. Во время первого года обучения Дуань Инью в университете все его однокурсники были без ума от Ци Бояня.

Первый раз, когда он увидел фотографию Ци Бояня, это было в журнале. На фотографии в пятнистом свете длинные волосы Ци Бояня были погружены в воду. Его глаза затуманенно смотрели в камеру, как у водяного демона, высасывающего душу.

Дуань Инью думал, что Ци Боянь тоже был омегой.

Он не мог не смотреть на Ци Бояня, пока глаза того тоже не посмотрели на него. Он не знал, была ли это иллюзия Дуань Инью, но он ясно почувствовал, как взгляд Ци Бояня на мгновение заострился, прежде чем быстро исчезнуть.

Снова посмотрев на него, Ци Боянь дружелюбно улыбнулся и даже протянул тарелку с фруктами, чтобы Дуань Инью мог поесть

Такая популярная звезда проявила к нему доброжелательность. Дуань Инью немедленно протянул руку, чтобы почтительно принять это, как будто то, что принес ему Ци Боянь, было не тарелкой с фруктами, а трофеем на церемонии награждения.

Все трое не могли долго расслабляться. Режиссер Цзян уже подвел съемочную группу к двери и отсчитывал секунды. Дуань Инью быстро встал:

— Где Цзи Ван? Почему он до сих пор не спустился?

Как раз в этот момент Цзи Ван вышел из направления ванной.

— Разве ты не поднимался вверх? — спросил Дуань Инью.

Цзи Ван ответил:

— Я почувствовал, что голова не совсем чистая, поэтому помыл ее снова.

Рука Дуань Инью случайно скользнула по руке Цзи Вана, и он воскликнул:

— Она ледяная! Ты ополаскивался холодной водой?

Цзи Ван беспомощно сказал:

— Ну, погода слишком жаркая... моя внутренняя температура повышается.

Когда он произнес последние три слова, по какой-то причине Дуань Инью услышал в его голосе всплеск ярости.

Все четверо собрались вместе. Чжэн Цихун, которая пошла красить ткань, тоже вернулась, держа в руках корзину с маленькими кочанами капусты, которую ей передал хозяин.

Режиссер Цзян:

— Только что один местный житель прислал арбуз, и все его съели, верно?

— Какой арбуз? — удивилась Чжэн Цихун.

Чжан Мусянь быстро спрятал кожуру от арбуза за спину:

— Нет, нет, мы его не ели.

Режиссер Цзян проигнорировал неубедительное оправдание Чжан Мусяня:

— В обмен на арбуз мы конфисковали половину корзины корней лотоса. Корни лотоса, которые вы оставили на поле и не принесли обратно, также уже были возвращены владельцу поля лотоса.

Неожиданно, команде программы это понравилось. Все усердно работали весь день, и в спешке, чтобы вернуться и принять душ, они были так заняты, что не говорили ни слова.

К счастью, Дуань Инью и Цзи Ван вернулись с двумя корзинами на спине. Теперь Дуань Инью был горд до невозможности, и все время говорил о Чжан Мусяне, утверждая, что тот ел арбуз вместо того, чтобы заниматься делом, и поэтому должен есть лишь половину тарелки риса на ужин.

Чжэн Цихун пересчитала капусту и корни лотоса и дальновидно сказала:

— Если мы не сможем обменять их сегодня, то вечером мы сможем приготовить овощной суп.

Цзи Ван согласился:

— В курятнике еще есть несколько яиц. Мы можем пожарить их с соевым соусом на ужин.

Единственные два человека в команде, которые умели готовить, посмотрели друг на друга и понимающе улыбнулись.

Рынок находился на некотором расстоянии от деревни. Их хозяин великодушно одолжил им свою машину, самосвал, который был настолько грязным, что невозможно было разглядеть его первоначальный цвет.

Пятеро человек помогали друг другу забраться. Цзи Ван поднялся первым, протянул руку Чжэн Цихун и также потянул Дуань Инью. Чжан Мусянь проворно поднялся сам, в конце концов оставив только Ци Бояня.

Как раз в тот момент, когда Цзи Ван собирался сесть, он увидел, как Ци Боянь медленно и гордо протянул руку, пренебрежительно повисшую в воздухе. Цзи Ван, который был «горячим», не хотел обращать на него внимания, но перед камерой у него не было выбора. Он мог лишь протянуть руку, чтобы помочь человеку подняться, а затем незаметно отступить.

Машина, дернувшись, тронулась с места. Торговцы рынка уже договорились с командой программы, и зрителей собралось не так много.

Пятеро человек разделились на три группы: одна занималась обменом риса, другая — обменом мяса, а третья — установкой прилавка для обмена на деньги.

Последнюю, самую трудную задачу, доверили Ци Бояню, как указала Чжэн Цихун.

Чжэн Цихун была сравнительно старше, и ее слова имели вес, поэтому все с готовностью подчинялись.

Вопреки ожиданиям, Чжан Мусянь сначала сказал:

— Я хорош в разговорах, почему бы мне не остаться и не установить прилавок?

Чжан Мусянь заботился о Ци Бояне. Он видел, что Ци Боянь не вошел в нужное состояние, и беспокоился, что, если оставить его одного, он не будет говорить перед камерой.

Чжэн Цихун ответила:

— Нет, ты выглядишь не так хорошо, как Сяо Янь. Не волнуйся, если Сяо Янь пробудет здесь десять минут, все корни лотоса будут проданы.

Дуань Инью застонал:

— Я понимаю, лотосовая Си Ши*!

ПП: наложница императора, одна из четырех великих красавиц Древнего Китая.

Ци Боянь не обиделся на это прозвище:

— Чжан-лаоши, я останусь и установлю прилавок, а вы можете идти обменивать ингредиенты.

Чжан Мусянь забрал Цзи Вана и ушел. Процесс обмена мясом прошел не очень гладко. Босс, вероятно, понял намек команды программы и попросил их помочь нарезать ребрышки, размять мясо и добавить корень лотоса в обмен на три фунта ребрышек (прим. 1.3 кг).

Искушение было действительно велико. Цзи Ван взял нож и направился прямо к нему. Чжан Мусянь стоял в стороне, ошеломленный, и попросил оператора заснять его великолепную технику.

После того, как они заполучили мясо, они вернулись к прилавку, где находился Ци Боянь. Ци Боянь все еще сидел на маленькой скамейке. Прилавок перед ним был уже пуст, а деньги были собраны в корзину.

У него в руке было мороженое, которое специально дала ему владелица магазина жареной утки позади него, опасаясь, что он перегреется, продавая овощи.

По сравнению с ними двумя, которые были пропитаны запахом мяса, Ци Боянь выглядел беззаботно, как будто пришел на отпуск.

В это время мимо проходила другая добрая пожилая женщина. Увидев Ци Бояня, она улыбнулась и сказала:

— Этот ребенок такой послушный.

Чжан Мусянь потер руки, как сутенер, представляющий свою работницу:

— Очень послушный. Если бабушке он нравится, не хотите ли что-то подарить?

Бабушка достала из своей сумки несколько помидоров и неуверенно положила их в корзину к Ци Бояню. Повернувшись лицом к пожилой женщине, Ци Боянь чувствовал себя более неловко, чем обычно. Он поспешно встал и сказал «спасибо».

Кто бы мог подумать, что бабушка скажет следующее:

— Ох, почему маленькая девочка такая высокая?!

Лицо Ци Бояня было слегка напряженным. Чжан Мусянь на мгновение замолчал, и Цзи Ван подсознательно поджал губы, чтобы сдержать улыбку.

Оказалось, что из-за того, что у Ци Бояня были длинные волосы, пожилая женщина приняла его за молодую девушку. Она даже продолжила разговор, говоря, что ее внук очень хорош и она хочет познакомить его с Ци Боянем.

Чжан Мусянь поспешил отвести бабушку, прежде чем ситуация вышла из-под контроля. Бабушка продолжала:

— Моему внуку в этом году 26 лет, а у меня есть дом в конце деревни.

Когда Чжан Мусянь уговорил сарушку уйти, Ци Боянь взглянул на Цзи Вана:

— Над чем ты смеешься?

Цзи Ван притворился серьезным:

— Я не смеялся.

Ци Боянь вздохнул:

— Если хочешь смеяться, просто смейся. Только сделай мне тарелку жареных яиц с помидорами сегодня вечером.

Цзи Ван знал, как готовить это блюдо, потому что Ци Боянь любил это есть, он даже специально изучал, как сделать жареные яйца с помидорами более вкусными.

Но, вспомнив прошлое, выражение лица Цзи Вана не могло не потускнеть, он не согласился и не отказался.

Чжэн Цихун и Дуань Инью также успешно вернулись с рисом. Всего за короткий промежуток времени Чжэн Цихун и Дуань Инью стали крестной и крестником.

Свежеиспеченый крестник спросил Ци Бояня:

— Янь-гэ, откуда у тебя в руке мороженое?

Ци Боянь медленно откусил кусочек и мило улыбнулся:

— Хозяйка лавки с жареной уткой дала.

После этого он съел мороженое за два-три укуса на глазах у завистливого Дуань Инью, не оставив даже кусочка.

Дуань Инью намеревался прокормить себя, сказав, что пойдет спеть хозяйке лавки с жареной уткой и тоже обменяет на мороженое.

Если бы он пошел один, это было бы нормально, но он решил взять с собой Цзи Вана.

— Ван-гэ, пойдём за мороженым вместе. Крестная, если все пройдет успешно, я принесу и тебе.

Чжан Мусянь:

— А как же я?

Дуань Инью уже был знаком с Чжан Мусянем:

— Люди, которые только и делают, что болтают, не имеют права есть мороженое.

В это время Ци Боянь достал деньги из корзины с овощами:

— У нас есть деньги, мы можем просто купить это.

Чжан Мусянь поспешно схватил деньги и прижал их к себе:

— О, Сяо Ци, разве ты не заметил, насколько жалка наша команда? Эти деньги надо тратить с умом, как ты можешь использовать их, чтобы баловать детей мороженым!

Дуань Инью закричал и попытался выхватить деньги у Чжана Мусяня. Чжэн Цихун не знала,

смеяться ей или плакать, и сказала им прекратить шалости. Она обратилась к Ци Бояню и Ци Вану:

— Вы двое должны вести себя как старшие братья, быстро разнимите их.

Только после этого Ци Ван и Ци Боянь подошли, чтобы помочь. Как только Ци Ван хотел повернуться в сторону Дуань Инью, Ци Боянь сильно ударил его по плечу, он оттолкнул его, шагнул вперед и потянул Дуань Инью за воротник, как будто тащил первоклассника, таща его в сторону.

Чжан Мусянь также был уведен Ци Ваном, который прибыл позже. Он сказал:

— Паршивый юнец, ты крестник Хун-цзе, но я младший брат Хун-цзе! Ты должен называть меня дядей!

В первый день они разделили все семейные роли и стали жить вместе.

После такого переполоха на рынке пятеро гостей уже не чувствовали себя так неловко и даже нашли свои собственные роли.

Заботливая старшая сестра Чжэн Цихун, равнодушный дядя Чжан Мусянь, честный и способный второй брат Ци Ван, прекрасный как цветок третий брат Ци Боянь и сын, не оправдавший ожиданий, Дуань Инью.

Дуань Инью все еще бормотал, когда сел в машину:

— Как получилось, что я оказался ребенком?!

Когда они вернулись в деревню, была поздняя ночь. Ци Боянь снова пошел принимать душ, Цзи Ван и Чжэн Цихун были заняты на кухне, Чжан Мусянь вышел пообщаться с соседями, надеясь незаметно раздобыть немного еды, а Дуань Инью сидел во дворе и чистил кукурузу.

У каждого из пяти человек были свои дела, и атмосфера была гармоничной и спокойной.

Только когда на стол подали обжигающе горячий суп из свиных ребрышек с корнем лотоса и жареные яйца с помидорами, внезапно появился режиссер Цзян, у которого не было работы, и сказал всем:

— Перед тем как поесть, давайте сыграем в небольшую игру.

Режиссер Цзян продолжил:

— Кроме Чжэн-лаоши и Цзи-лаоши, которые сегодня больше всех потрудились, остальные трое должны пройти игру, чтобы получить право поесть.

В животе Дуань Инью заурчало от голода. Увидев, что для того, чтобы поесть, нужна какая-то дерьмовая игра, он чуть не кинулся с кулаками на режиссера, но Чжан Мусянь успел его удержать.

— Игра очень простая, — сказал режиссер Цзян. — Из шести карт одна черная, остальные — красные. Тот, кто вытянет черную карту, не только не сможет поесть, но и должен будет заправить всем кровати.

Если все трое вытянут красные карты, они смогут поесть и заправить свои кровати.

Возможно, это было задумано, чтобы создать напряжение и сделать шоу более интересным. Ци Боянь вышел из ванной и увидел, что двое других уже вытянули карты.

— Я схватил красную карту! — воскликнул Дуань Инью. — Спасибо небу и земле!

Чжан Мусянь уже набивал свою миску рисом, наполняя ее до краев.

После того, как Ци Боянь понял правила, он небрежно перевернул карту. Кто бы мог подумать, что вероятность выбрать одну из шести карт обрушится на Ци Бояня как гром среди ясного неба. Все были в шоке.

Чжэн Цихун больше не мог этого выносить:

— Режиссер Цзян, дайте ему еще один шанс, — не смогла больше терпеть Чжэн Цихун. — Все устали и голодны после целого дня работы. Разве это не слишком, что он даже не сможет поесть?

Увидев это, Режиссер Цзян смягчился и дал ему еще один шанс.

Снова перетасовав карты, по-прежнему одну из шести, Ци Боянь снова выбрал черную карту. Ему так не повезло, что он был словно проклят.

На этот раз эффект шоу был действительно налицо. После некоторого шума режиссер Цзян смог только сказать:

— Тогда ты можешь съесть только один кусочек любого блюда. После еды Ци Боянь должен будет заправить постели.

Ци Бояню действительно было все равно. Пока другие гости жаловались, что чувствуют себя подавленными, Ци Ван уже достал половник для супа и выложил сверху мясо, пытаясь сделать кусок размером с лицо Ци Бояня.

В конце концов, Ци Боянь просто съел ложку яиц, смешанных с ребрышками, и молча поднялся наверх, чтобы заправить постели.

Поскольку один человек не мог поесть, всем остальным было явно невесело за столом. Все единодушно ненавидели режиссера Цзяна.

Ци Ван перестал есть после одной тарелки. Чжэн Цихун взглянула на него и тайком передала ему термос:

— Сяо Цзи, — бросила на него взгляд Чжэн Цихун. — Иди и помоги Сяо Ци.

Дуань Инью притянул Цзи Вана ближе и прошептал ему на ухо:

— Я спрятал вяленую говядину, ты можешь тайком передать ее Янь-гэ от меня.

Чжан Мусянь отдал ему свои яблоки. Цзи Ван поднял проявление любви участников вверх, чтобы навестить Ци Бояня. Теперь режиссер Цзян вел себя как настоящий человек, закрывая глаза на их незаконные действия.

Наверху Ци Боянь был один, молча сражаясь с постельными принадлежностями. В комнате не было оператора, снимали только несколько стационарных камер.

Ци Боянь, который вел изнеженный образ жизни, никак не мог разобраться с покрывалом. Спустя долгое время он почти запутался в постельном белье.

Цзи Ван подошел и вытащил Ци Бояня из ада постельного белья:

— Съешь что-нибудь.

Ци Боянь посмотрел на праведно украденное добро в руках Цзи Вана:

— Откуда это?

Цзи Ван кратко объяснил происхождение всего и, наконец, заключил:

— Это всеобщая любовь к тебе.

Во время разговора Цзи Ван действовал быстро и эффективно и в мгновение ока застелил две кровати.

— Кто спит в этой комнате?

Ци Боянь подбросил яблоко в руке:

— Кто еще это может быть?

Цзи Ван посмотрел на Ци Бояня, и Ци Боянь понимающе улыбнулся. Цзи Ван подумал про себя, зачем он пришел, он должен был позволить этому человеку умереть здесь с голоду.

Ци Боянь снова сказал:

— Они все мне что-то дали, а как насчет твоей?

Цзи Ван:

— Моей чего?

— Где твоя любовь? — он намеренно сделал так, чтобы его слова прозвучали двусмысленно.

Цзи Ван посмотрел на руку Ци Бояня. Там был суп, вяленое мясо и яблоко. Он подумал, что у этого человека действительно не было недостатка в еде. Он проигнорировал его и приготовился покинуть спальню, чтобы застелить другие кровати.

Затем Ци Боянь схватил его за запястье. Цзи Ван дважды дернул руку и не смог вырваться. Он неловко посмотрел на камеры вокруг, записывающие все происходящее, и в конце концов сдался.

Он сунул кусочек шоколада в руку Ци Бояня. Наконец, получив что-то, Ци Боянь отпустил Цзи Вана. и открыл шоколад и положил весь кусок себе в рот:

— Любовь гэгэ на вкус как шоколад, сладкая.

Цзи Ван оцепенел, думая, что он не может поднять шум или избить его, так что же еще он мог сделать?

В любом случае, если программа хотела транслировать это полностью, это зависело от того, согласится ли компания Ци Бояня.

Компания Ци Бояня не могла позволить ему и Ци Бояню разжигать романтические слухи.

<http://bllate.org/book/13928/1227236>